



Виктор Поликахин

# Возвращение



# Виктор Владимирович Поликахин

## Возвращение

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69368806](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69368806)*

*SelfPub; 2023*

### Аннотация

Это сюжетец. Надо его будет прочитать вам. И что же тогда произойдёт? Ни много ни мало, а вы станете добрее. Приблизительно на 2 часа 40 минут. Потом доброта начнёт испаряться. Потому что за неё нужно бороться каждое мгновение и, к сожалению, всю жизнь.

# Виктор Поликахин

## Возвращение

Пригород Стокгольма, год 2022. Старик стоит у окна, шевелит губами, осень красуется клёном, который вырос до 5 ого этажа и трогает окно пятипалым желтым листом, но старик не доволен. Он открывает окно, на улице тепло.

По правде, ему нельзя открывать окно, да и не возможно, у окон вынуты ручки. Но старик украл себе ручку, он не настолько слабоумен, как они думают, хотя он и потерялся два раза в Стокгольме перед тем, как сын привёз его сюда. Ещё он терял ключи, зубы, однажды забыл своё имя. Три раза приезжала пожарная машина из-за забытой еды на плите. И всё равно сын не должен был привозить его сюда.

Старик считает, что это клиника для душевнобольных, но это не совсем так. Ему не нравится слишком вежливый персонал, он считает, что его здесь никто не любит, возможно это и так, но этого никто не покажет, все кто здесь работают профессионалы. Старик подружился только с арабом уборщиком. Больше всего он не любит психолога, он писал бумагу, чтобы его не водили к нему, но из этого ничего не вышло.

Он живёт в клинике уже два года, сын навещал его три раза. И каждый раз старик плакался ему и клеветал на персонал. Главврач объяснил сыну, почему старик так делал: он хочет внушить ему чувство вины, чтобы совершить манипуляцию. Ещё сын говорил с личным психологом и тот отговорил его чаще навещать отца, иначе он будет наносить травму и себе и ему.

Старик собирается закрыть окно, скоро может начаться обход, но он улавливает приятный звук моторчика, замедляется, он вслушивается. Мимо два раза пролетает маленький человечек.

Старик улыбается, его лицо слабоумное, но счастливое. Летающий человечек садится на подоконник, выключает мотор, у него кнопка на животе.

Привет, малыш!

Старик ничего не может сказать, он очень глупо радуется.

Ого, какая у тебя морщинистая рука! – Карлсон сверяет свою руку с рукой старика. Рука Карлсона пухленькая, с редкими волосиками, Карлсон не изменился за прошедшее время. Он спрыгивает с подоконника и ходит по полу, рассматривает палату.

Это твой друг? – указывает пальцем на человека в палате. Это бывший адвокат - Питер Юхансон, он не может говорить, видимо он всё высказал в суде, когда был молодым, ещё он не ходит и почти не шевелится. Под кроватью у Юхансона стоит утка. Карлсон замечает её и тыкает пальцем: « Что это?»

Это утка, – к старику вернулся дар речи, – Я знал, что ты прилетишь. Я тебя ждал.

Карлсон не верит, что это утка и старик объясняет, что это такое.

Малыш, давай поместим утку на люстру, придут твои санитары и подумают, что утка сама туда залетела.

Старик не возражает, он просто радостно улыбается. Карлсон взлетает к потолку с уткой и аккуратно ставит на люстру, стараясь не расплескать. Потом он летит к двери и дёргает за ручку.

Тебя опять закрыли?

Да.

Это та же домомучительница?

Нет, теперь их много. Карлсон, помоги мне убежать. Мне нужна одежда.

Старик расчувствовался, стал заикаться и заплакал.

Не реви, – сказал Карлсон и улетел в окно. Через 10 минут вернулся, в руках у него куртка с капюшоном, пиджак главврача и банка варенья.

Старик одевает куртку, пиджак ему не нужен.

Тогда я надену пиджак на твоего друга.

Карлсон очень ловко приподнимает Питера Юхонсона и надевает пиджак, Питер Юхансон послушно мычит.

Старик садится на плечи Карлсону, и они вылетают в окно.

Поднимаются вверх, Карлсон оставляет старика стоять на небольшом карнизе. Старик слишком счастлив, чтобы бояться высоты, он улыбается. Летающий человечек возвращается в здание через другое окно, крадёт по коридору, открывает замок на двери палаты, закрывает окно ручкой, ко-

торуую украл старик, закрывает палату. Они снова летят.

Старик и Карлсон стоят на крыше больницы, у Карлсона здесь есть маленький домик. В домике маленькая кроватка, маленький шкаф, маленький стол и маленькая печка. Старик ложится в кровать, поджимает ноги, он очень устал от полёта, долго лежит, кутается маленьким одеялом. Карлсон съедает варенье, выходит на крышу, крыша красного цвета, черепичная, садится на край и кидается мхом в людей. Голос за его спиной.

Я тебя так долго ждал. Ты почему тогда опять улетел?

Хочешь кинуть мхом в лысого дядю.

Нет.

Тогда полетели шалить.

Я уже не могу. Я устал. Я бы очень хотел пошалить с тобой. Ты лети, я подожду тебя.

Улетает.

Ночь, звёзды, как капли жёлтого цвета, кажется, что они сейчас спадут на крышу. Очень хорошо. Малыш и Карлсон

пьют чай с мятой и печеньками.

Как хорошо, что ты вернулся.

Смотри, пожарная машина. Это наверное опять за тобой.

Да, я знаю, они увидели меня, когда я подходил к краю. Тебе пора домой, иди Карлсон, ты потом придёшь, я буду ждать, ты всегда приходишь.

Малыш долго кашляет и отхаркивается, видимо он подпростудился сегодня.

Да мне пора. Я совсем забыл, что мне нужно починить паровую машину.

Паровая машина, я уже забыл, как они выглядят.

Главврач и сын малыша стоят в небольшой толпе людей, смотрят, как пожарная люлька спускает малыша и пожарного.

Ваш отец никогда не служил в спецвойсках?

Нет.



Вы могли не знать об этом. У него обострилась шизофрения и у него профессиональные навыки шпиона.

Сын вспоминает, как они ходили с отцом в зоопарк, он тогда сидел на плечах.

Он выкрал мой пиджак и надел его на лежачего больного соседа. И ещё поставил утку на люстру, высота до люстры 3 метра, даже со стула, вытянув руки, это невозможно сделать, а он не пролил не одной капли.

Сын вспоминает, как они катались в лодке на пруду с черными лебедями.

... как он вышел из закрытой палаты? Как поднялся на крышу? Это редкий случай в психиатрии, мы переведём вашего отца в секцию для душевно больных, за ним будет круглосуточное наблюдение.

Можно..? Я хотел бы чаще видеть отца. Можно чаще навещать его?

Да, это возможно.

Ночь, палата, решетки на окнах, камера на потолке, ма-

лыш в кровати под одеялом. Малыш счастлив – Карлсон вернулся. Эти наивные люди думают, что им помогут решётки и камера. Но Карлсон прошёл сквозь одиночество. Что может быть крепче одиночества? Крепче такого заскорузлого, тысячелетнего. Ничего. А Карлсон пронзил его, он обратил его в ничто. Глупцы думают остановить его решётками. Скоро он придёт и освободит его.

Славный малыш, добрый малыш, счастливый малыш засыпает.

### **Дневник уборщика.**

Сегодня 14 мая, я начал свой дневник. Что из этого получится? Неизвестно. У меня есть мечта, я хочу сделать уборку в квартире. Я не убирался уже 4 года. Хотя нет, прошлым летом я пробовал убираться. Сегодня я ещё не буду убираться, но завтра наверняка начну.

19 мая. Я всё-таки начал уборку. Я переставил горшки с цветами с пола на подоконник и пошёл искать тряпку для пыли, наткнулся на газету за прошлый год, читал статью про танки. Автор писал, что танки не актуальны в современном бое. Был с ним не согласен. Пошёл спать, тряпку буду искать

завтра.

21 мая. Тряпку не нашёл. Уборку пока отставил. Потерял смысл. Зачем я вообще убираюсь? Пока не рушу этот вопрос убираться не буду.

Зачем я веду эту рукопись.... Не знаю.....Спасибо тебе неизвестный человек, что ты читаешь меня. Я пишу тебе из кучи мусора, сдавленный одиночеством. Вчера я видел закат, я ещё способен различать закаты. Сейчас я отвлекусь и пойду переложу хлеб со стола, а потом вернусь и разовую свою мысль....Я вернулся и теперь не знаю, за чем мне развивать эту мысль. Я даже не понимаю о чём точно она была. Перечитываю верхние строчки и не понимаю.

24 мая. Ответ не нашёл, но уборку продолжаю. Сегодня искал тряпку под диваном....

25 мая Я должен вспомнить, как выглядела тряпка, если это получится, то я найду ей. Кажется она была в крапинку.

27 мая Вспоминал, как выглядела тряпка.

Еду мне приносит Андрей, мой двоюродный брат и каждый раз ругает меня. Его не было уже очень давно. У меня очень большой запас чая. Несколько дней подряд пью чай, надеюсь Андрей придёт. Иначе мне придётся самому идти в магазин.

1 июня. Порвал на тряпку свою рубашку, выносил мусор и вытер пыль со шкафа. Какой необычный день, обведу его карандашом, как день моего нового рождения. ... Чувствовал себя всемогущим.....

2 июня. Упадок сил и апатия. Ничего, так бывает всегда после великих свершений. Говорят, что пророк Илья тоже испытывал упадок сил после того, как победил жрецов Ваала на горе Мориам.

16 июня. Да, я пережил тяжёлую апатию, её следы остаются до сих пор во мне. Я даже думал: «Больше никогда не

приступлю к уборке».

18 июня. Тряпка опять потерялась. Искал её.

23 июня. Я обрёл смысл своих действий. Стараюсь не ликовать, чтобы не расплескать его. Пока не буду записывать, чтобы не расплескать. Очистил от пыли все плинтуса в квартире.

24 июня. Снял все шторы и забросил в стиральную машину. Жаль, что машина уже как два года не работает. Начал мыть окна, но надоело. Горю огнём смысла жизни. Прошлой ночью не спал.

26 июня. Мой день рождения. Готов рассказать о своём смысле. Я внушил себе, что убираясь в своей квартире, я помогаю всему человечеству и борюсь с мировым злом.

3 сентября. Сегодня я мыл пол в коридоре. Надоело. Ко-

гда-то я презирал себя за то, что я лентяй и тряпка. Ещё тогда, когда я был инженеришкой, и у меня была жена. Наступил момент, когда мусор вошёл в мою жизнь, выгнал мою жену и заполонил квартиру, и я решил больше не презирать себя. «Кто ты такой, чтобы презирать меня?» – закричал я сам на себя. Наверное, это было раздвоение личности. И я перестал презирать себя и мне стало легче. В тот день я впервые задумался об уборке в своей квартире. Кажется, это было пять лет назад. Я давно не слежу за временем.

4 ноября

Сегодня у меня озарение. Я придумал создать свой план уборки. Моя битва с мусором подобна войне. К этой мысли я пришёл, когда натолкнулся на книгу Сунь Цзы. Книга валялась в пыли среди посуды. Как она туда попала? Эта мысль владела мною первую минуту, не найдя ответа, я начал изучать её и понял, что эта книга знаковая для меня. Много лет назад она попала к посуде и лежала там, что бы в назначенное время выйти на свет и оставить след в моей жизни. Я понял, что моя уборка подобна войне и значит, на неё распространяются все законы войны. Теперь терпеливо изучать, терпеливо изучать. Пока уборку останавливаю.

23 ноября

Изучил Сунь Цзы, готов применять его советы к действию. Первым делом мне необходим план. Об этом я писал сразу, как только натолкнулся на книгу.

Начертил план квартиры. Мне не составило это большого труда, когда-то я был инженером и ходил на работу. На плане я нанёс несколько зон. Зона агрессивного мусора. Это зона где скопления мусора максимальны. Зона спокойного мусора. И чистая зона. К сожалению чистой зоны пока нет. После нанесения зон загрязнения, я начал составлять план ближайших боевых действий. Я буду действовать сразу по трём фронтам. Завтра я открою сразу первый и второй фронт. Первый фронт будет в коридоре, а второй в большой комнате. Сегодня 23 ноября. Планирую соединение фронтов на 14 декабря. И этим же днём открытие третьего фронта.

14 декабря Я не сумел соединить фронты. К сожалению, я потерял интерес к своему плану на 9 ый день. Спасибо тебе, что ты всё ещё меня читаешь. Почему я вообще думаю, что меня кто-то будет читать? Человек среди мусора пишет дневник и думает, что его кто-то прочитает. Говорят интер-

нет сильно шагнул вперед. Я мог бы отправить свой дневник в интернет, но у меня нет интернета, нет телевизора, есть только радио.

17 декабря. Мыл посуду и увидел пятно на полу. Переместился на пол и начал соскабливать его ножом. Потом лежал на полу, наверное, часа два – два с половиной. Очнулся от того, что вода начала заливать мне ноги. Видимо тряпка упала и заткнула сливное отверстие. Такое бывает. Выключил кран и ушёл на диван. Приходил сосед и кричал, что я его заливаю.

23 декабря Я открыл третий фронт.

26 декабря.

Возможно, что у меня едет крыша. Я воображал себя полководцем, а свою квартиру полем битвы. Я писал об этом. Я понимал, что это игра, чтобы легче вести уборку. Но вчера ко мне пришли соседи, и когда я вышел к ним, то говорил с ними по-японски, хотя не знаю этого языка. Мне показ-



лось, что я японский генерал, и они захватили меня в плен. Боюсь, что они вызовут психиатрию. Они говорили про это. Да, я понимал, что я играю, но в какой-то момент меня так увлекает игра, что я забываю, что нахожусь в воображении. Это очень опасный момент....

28 декабря.

Нужно полюбить уборку. Не ради чистоты, а ради проживания того драгоценного момента жизни, в котором ты находишься. У меня есть один шкаф, в нём очень много плесени, но я решил, что я пока не буду убирать эту плесень. Иногда я открываю шкаф и гляжу на плесень. Так смотрит подводный дайвингист на подводную пещеру, в которую погружается периодически. Он любит каждый излом пещеры, каждое движение склонов и сталактитов. Люди спешат куда-то в Индии, смотреть на слонов и не видят, что красота рядом с ними...

3 января.

Я снова увлёкся мыслями о войне в Японии, и опять приходили соседи, но в этот раз я сумел выйти из образа. Они всегда приходят, когда я вхожу в воображение. Это не с про-

ста...

14 января.

Сегодня я не спал всю ночь. Ночью к нам прибежал перебежчик и сказал, что завтра корейцы пойдут на штурм. Начала ныть раненая рука, я еле двигаю ей. Когда мы переправлялись через реку, я попросил раба дать мне весло, чтобы проверить руку и смог сделать только два-три гребка. В армии третью неделю как началась малярия, она подкашивает наши силы сильнее, чем корейцы. Два моих генерала сделали харакири. Но у меня подъём духа, мне кажется, что чем хуже, тем лучше. Пускай меня предаст вся армия, я всё равно встречу завтрашний бой с улыбкой на устах. Крестьянин, у которого я расположился на ночь, очень угодлив, он и его жена спали на улице. Ночью я три раза выходил и проверял караулы, никто не спал, но двое часовых убежало, говорил им ободряющие речи. Вот и утро, солнце приветствует главный день моей жизни.

18 декабря. Два года я не писал свой дневник. Я не мог этого делать, мои соседи поместили меня в больницу. Моё воображение всё-таки взяло верх надо мной, и они вызвали

врачей. Вначале, когда врачи ещё не приехали, они решили сами вместе с участковым войти в мою квартиру. Я прятался в шкафу, и когда участковый вошёл, то я прыгнул ему на спину. Он недооценил мои силы, соседи сказали ему, что я жалкий инженериска, но они не знали, что в тот момент я был японским генералом, которого предала армия и хотя у меня была ранена рука, я скрутил участкового и вставил ему тряпку в рот. Это была та самая тряпка, которую я когда-то искал. Почему она нашлась в такой момент? Соседи попытались отбить сотрудника милиции, но я сам выбил их из комнаты в коридор. Там я схватил одного из них за ногу. В этот момент по коридору пробежал участковый, я плохо связал его. Нога тоже не удержалась. Но коридор остался за мной, я принял решение оставить его из стратегических соображений. В комнате я отвлёкся, мне попалась та газета, где писали, что танки не актуальны в современном бою. Я читал её, и в этот момент напали врачи, они заломали мне руки.

Тогда я оказался в больнице и полтора года находился в ней. Всё это мучительное время меня поддерживала мысль об уборке. Я знал, что у меня есть важное неоконченное дело. Это очень важно – иметь цель и миссию в своей жизни. Как сильно я жалею людей, которые живут просто так, без миссии в жизни. Они даже не знают, что их жизнь это просто существование. Я хотел бы влить в них силы жизни и желание бытия.

И вот я опять в своей квартире. Я так боялся, что кто-нибудь уберётся в моей квартире без меня. В больнице мне даже снились такие старшные сны.

14 января В это трудно поверить, этому нельзя не удивляться. Я выбил свой ковёр. Я планировал это целую неделю. С утра меня бороли лень и апатия. «Ты не сможешь, зачем ты меня мучаешь», – кричал мой внутренний голос, но я его не слушал. Я знал, что я сделаю это, но какая-то слабость не позволяла раскататься, и я медлил с утра и несколько часов ещё не мог выйти из квартиры. Выпил стакан чая, скатанный ковёр лежал в коридоре, я скатал его ещё позавчера. Я готовился к этой экспедиции, несколько дней. Я сначала обдумывал, как я буду выбивать ковёр, потом два дня искал выбивалку. Вспомнил, что я выбросил её в 97 году. Думал, чем я могу её заменить и пришёл к выводу, что найду на улице кусок дерева, какую-нибудь ветку. Заранее, как вы поняли я скатал ковёр. И ещё за день до этого мероприятия я ничего не делал. Это было сознательное действие, я копил силы. Итак, я совершил хорошую подготовку для моего начинания. И это было очень важно. Экспедиция Седова не погибла бы во льдах, если бы они как следует подготовились.

Наконец силы прибавились, я выдвинулся в коридор, но задержался послушать музыку, которая лилась из радио. Играл какой-то польский пианист: не то Стаковский, не то Скаповский. Я люблю музыку, но наверное сейчас мой разум просто воспользовался минутой, чтобы послушать музыку и не идти выбивать ковёр. Спатовский ещё играл, а я всё —таки преодолел себя и уже вышел на первую площадку, я живу на пятом этаже. На третьей площадке я сделал привал, положил ковёр и сел на него. Нужно было остановить отдышку. Но страшней было другое: я опять начал думать о том, зачем я выбиваю ковёр. Чем лучше выбитый ковёр не выбитого, когда тебе всё равно чистота или грязь. Сопатовский всё ещё играл, я слышал его потому, что не закрыл дверь в свою квартиру. Наверно у Сопатовского тоже была непростая судьба, ему было трудно, как и мне, но он пробивался, я начал воображать биографию Сокаковского и уже слышал в его музыке отголоски борьбы близкого мне по духу человека. Я перевернулся на колени и завёл левую руку по локоть под ковёр, но решил переменить руку, поскольку левой легче опираться о перила. Музыка навела меня на одну мысль. Я когда-то читал её, не помню где. Сильные духом люди это те, которые могут идти к своей цели даже тогда, когда они перестали верить в неё. Значит я выбью ковёр, даже если в этом нет смысла, просто потому, что я герой, который идёт к своей цели. Мимо шла женщина, она увидела меня и спросила: «Сергей Сергеевич, вам помочь?» Странно, я думал

уже никто не помнит моего имени. Более того, я думал, что у меня вообще нет имени. Она помогла мне забросить ковёр на плечо.

Вчера выпало много снега. И как я бросил ковёр на снег, всё во мне успокоилось. Это была победа. Я чувствовал лёгкое опьянение. Всё преобразилось, этот миг торжества я хотел бы остановить и забрать в вечность. Вышел сосед и похвалил меня, он показался мне самым красивым человеком на земле. Интересно, тот , который первым покорил Ман-Блан или Армстронг, когда выбежал из ракеты на лунную поляну, были также счастливы, как и я?

Я слышал проезжающие машины, видел силуэты людей, все они казались мне ничтожно маленькими. Я чувствовал величие своё по сравнению с людьми, мне казалось, что я Гуливер возвышающийся над десятиэтажками. Но тут же я решил, что мне нельзя превозноситься над людьми только потому, что они не совершали в жизни великих поступков, а я совершал.

Палка нашлась очень быстро. Я нанёс по ковру три удара палкой, и у меня заболело плечо, наверное хватит. Я выброшу этот ковёр, мне его всё равно не выбить, слишком много пыли впиталось в эту мохнатую субстанцию, и я бы не сумел затащить его обратно в квартиру.

Люди забыли, что они рождены для подвигов, они погрязли в своих мелких делах. Такие люди, как я или Сопатовский, мы должны постоянно рождаться в каждом поколении и в каждом веке и служить маяком героизма, служить примером.

Я знаю, впереди множество борьбы и всяческих падений, но я не боюсь этого, я победил.....я чемпион....

\*\*\*

(рассказ)

Нас приглашают пройти, толпясь у двери, все проходят в зал и рассаживаются. Киваю знакомым лицам. Мы с Ольгой занимаем дальние места, мы знаем, что сейчас здесь будет скучно, но у нас есть цель. Кресла кажутся мне неудобными, но это от больной спины, позвонки Л 7 и Л 8.

Появляется мэр, проходит за стол заседаний, он круглый, но у него пластичные и стремительные движения, он похож на барина.

Начинает говорить приветствие. Он рад всех нас видеть, мы опора администрации, мы должны объединять наши усилия, в голосе ласка и доброта. Смотрю на часы мэра, моё

внимание уже не может удерживаться на его речи, хотя пошла всего только третья минута. Часы довольно простецкие, фирма Картье, в районе 300 тысяч рублей. Я не сам определил часы, это мне говорит Ольга, и я ей верю, она повидала в жизни больше моего, и она наблюдательная.

Мэр уже передал слово своему помощнику. Слово помощника более сухое, в нём нет искренности и доброты мэра, этот человек устал и высох, как дерево, которое я видел в Карелии на болоте. К сожалению, это частая участь многих чиновников средней руки. Мне становится интересно всмотреться в лица людей, и я всматриваюсь, большинство из них постные и безжизненные, эти люди как и я не ждут ничего от здешнего ритуала, кроме его завершения, но несколько лиц оживотворены, я не могу знать, что их питает.

Мэр вызывает женщину, уже идёт 48 минута. Нам рассказывают, какие мероприятия запланировал город. Было бы прекрасно поучаствовать, но я всегда держусь от них подальше, я руковожу маленькой общественной организацией, она маленькая, но живая, мне кажется, что я должен умереть, чтобы участвовать в их мероприятиях, но я могу обманывать себя, многие не умерли и могут играть с администрацией и возможно эти люди лучше меня. Я представляю, как они смотрят на меня и искренно не понимают моего мировоззрения. Потом думаю о своих байдарках, когда мы будем



их клеить. Я люблю свои байдарки, мысли о них питают меня, я могу хоть не надолго уйти из этого зала. Добрый дедушка в третьем ряду тянет руку, мэр просит его говорить, дедушка с трудом поднимается.

– Зачем вы встали? Иван Антонович, вы можете говорить сидя. В голосе мэра бездна доброты, можно утонуть в этой доброте.

– Вы меня знаете. Я руковожу организацией инвалидов пенсионеров.

– Да, и уже минимум 20 лет, – с явным восхищением подхватывает мэр, он улыбается, и все люди из его команды тоже улыбаются, будто мэр пошутил шутку, одна женщина даже смеётся, только сухое Карельское дерево не улыбается. Дедушка очень растроган, он говорит про своих подопечных, его просьба очень проста. У мэра есть шанс проявить заботу, он и сам верит в эту секунду, что он заботливый провидец, ему нравится, что мы тоже видим какой он прекрасный. Добрый дедушка прослезился. Я смотрю на Ольгу и по её лицу не понимаю, когда она собирается озвучить нашу цель. Скоро мэр свернёт собрание, и зачем мы тогда приходили?

Поднимаю руку, мэр не видит её, его красноречие заслонило мою руку, он ослеплён, но вот он заканчивает мысль, и

моя рука проступает в его сознании.

– Да, говорите, – глава города блажен, он не ждёт никакой закарюки, сейчас я задам дежурный вопрос и он отыграет отеческую заботу.

– Общественная Организация «Сплав друзей», – я только начинаю, как подключается Ольга, я рассчитывал на это.

– Виктор Владимирович, в прошлом месяце вы встречались с Олегом Нестеровичем и обещали положительно решить вопрос по помещению на улице Ленина. По вашему совету после этого мы встретились с вашим заместителем, заместитель направил нас в комитет архитектуры, комитет архитектуры ответил, что вопрос не в его компетенции. Тогда кто может его решить, – всё это Ольга произносит очень быстро, кажется, что она уложила в секунду или в две. По крайней мере, время сжалось, когда она говорила. У неё четкая дикция, ни одна буква не выпадает из её речи, как будто она говорит прямо в мозг слушающим.

Мэр взрывается и кричит на нас. Нужно пояснить, почему он взрывается. Взрыв вызван тем, что он был слишком не готов к такому вопросу, его психологическая матрица не была прошита на быстрый переход из одного состояния в другое. Действительно, месяц тому назад он прилюдно обещал

Олегу Нестеровичу решить проблему с помещением. Олег Нестерович очень известный человек в городе и даже по России. Видимо мэр по легкомыслию сделал такое обещание. Когда вопрос утонул в бюрократии, Олег Нестерович узнав, что я приглашён на встречу мэра с общественными организациями, просил меня взять с собой Ольгу и попробовать прояснить дело.

Мэр не совладал с собой, все вопросы, какие возникали сегодня, они предсказуемы, это игра в доброго мэра и его друзей, и все соблюдают правила. Если бы мэр, например, встречался с избирателями, то он перепрошил себя по другому и был бы готов уклоняться от сложных вопросов. Но мы поступили подло. Он ведь так искренне играл в этом маленьком театре. А мы вернули его в реальность. Он заорал именно потому, что не хотел в неё возвращаться. Но это ещё не всё, видимо у него рефлексорная дуга орать, наверняка он орёт на свою команду. И ещё в прошлом он бандит, хотя знающие говорят, что он был всего-лишь на побегушках у серьёзных людей.

Мэр кричит и ругается 8 секунд и мгновенно успокаивается, осознав, что опростоволосился.

– Я разговаривал с Олегом Нестеровичем. Я собираюсь с ним снова встретиться, я с ним буду решать этот вопрос. За-

чем вы без него хотите что-то уладить? – говорит он, мирно восстанавливаясь.

– Конечно же, мы встретимся с Олегом Нестеровичем и всё уладим, – женщина из администрации поддерживает своего мэра.

Виктор Владимирович смотрит на свои часы. Тик тик. Половина восьмого, осталось всего четыре с половиной часа, и он сможет насладиться тем удивительным, ради чего пошёл во власть.

Всё. Это всё. Люди выходят из зала.

Я говорю со сдерживаемым восторгом, продевая руку в рукав куртки,

– Ты видела его реакцию. Я такого не ожидал.

Ольга не хочет поддержать мой восторг, она говорит просто,

– Пх.

Что означает: «Обычная реакция. Чему ты так удивляешься?»

Мы идём вдоль реки. Вокруг нас полу осень – полу зима. Температура воздуха +2, ветер юго-восточный 5 м/с.

– Наверное зря мы задали ему этот вопрос при всех. Надо было ловить его отдельно.

– Как же, поймашь его. Нет, всё так и надо было. Зато теперь мы видели его настоящую реакцию.

Я замечаю по голосу, что Ольга мрачноватая.

– Ты почему такая?

– Забыл какой сегодня день?

– Помню, но сейчас ещё только без 5 восемь.

– Не важно. У меня в такой день с утра уже плохое настроение.

Сегодня день перевоплощения. Об этом дне знают все жители города Энска. Мы доходим вместе до развилки и разделяемся. Ускоряю шаг, мой рост 1 метр 94 сантиметра, когда я один, то всегда иду быстрее.

Я дома, мы живём в частном доме. Мы это я и сестра. Сестре 48 лет, мне 41. Оба мы не создали себе семьи и похоже уже не создадим. Сестра очень переживает из-за этого, я поменьше. Вынимаю из холодильника кастрюлю с куриным супом, грею его на плите. Думаю о байдарках, почему я руководитель организации, и я же клею байдарки. Ем суп прямо из кастрюли. Люблю есть суп на ужин, в этом есть иллюзия свободы, что я свободен от стереотипов. Сестра говорит, что у неё болит голова, мне это не нравится, у неё хронические мигрени, она уже спускается в подвал. Я подбриваю усы, чирикаю ножницами. Думаю: у сестры болит голова, почему она не выпьет таблетку. Она пьёт кеторол, дозировка 10 мг, до 5 таблеток. Усы великолепны, я сижу, смотрю телевизор, тоже отправляюсь в подвал. Сестра привалилась на диван, лицо страдальческое.

– Ты выпила таблетки?

– Нет. У меня закончились. Голова давно не болела, я и расслабилась.

Мне жалко сестру и одновременно не хочется терпеть её плохого настроения. Я решаюсь сбежать в аптеку. Я вообще стал последнее время очень решительным, но как то спонтанно, не давно я подрался с хулиганом в электричке, а в другие разы сидел и не связывался. И вот я выскакиваю из

подвала, сестра со страхом бежит за мной .

– Ты куда? У меня уже прошла голова.

Я верю, что в данную секунду у неё действительно прошла голова. Хватаю куртку и шапку, одеваю их только на улице, чтобы сестра не успела остановить меня. На бегу понимаю, что просчитался со временем. Я думал, что ещё половина двенадцатого, но отступить не позволяет самолюбие. В аптеке долго стучу в окно, очень удивлены, забираю лекарство.

Бегу домой, улицу разрывают дикие крики людей. Выбегаю на площадь, вся площадь заполнена полуволками получеловеками. Сегодня день перевоплощения -вся правящая властная группировка города Энска превращается в волков и грызёт людей. Площадь отрезана, но волки не видят меня, они уже рвут кого-то. Дорога до дома теперь увеличивается почти в два раза. Бегу по Амурской, по Лидии Ивановой, по Советской, на улице Ленина я вижу Виктора Владимировича – мэра города Энска. Он огромен, больше любого волка в три раза. Все его движения прекрасны, он переливается, как ртуть, каждая мускула на своём месте. Наверное я люблюсь мэром, как лань преследующим её львом. Хотя у лани нет чувства прекрасного. Учёные разделяются в мнении, есть ли у животных эстетическое чувство, понимают ли они красоту. Я считаю, что нет. Я сам превратился в животное,

страх выел во мне все остальные чувства. Мне кажется, мэр узнал меня, он смотрит мне в глаза, скалится, бежит, сейчас он отомстит мне за оскорбление.

Но я слишком высокого о себе мнения, не добегая до меня, он кидается на несчастного человека, который лежит, не в силах бежать от страха. Я слишком высокого мнения о себе. Кто я такой, чтобы Виктор Владимирович помнил нанесённую обиду, я один из многих с серыми пятнами вместо лиц. Так благородные люди не дрались с челядью на дуэлях, даже если те их оскорбляли. Опять бегу по Лидии Ивановой. На моё счастье я не один из простых смертных на улице. Глупые жители Энска, рискнувшие оказаться на улице в такую ночь, почему они выходят не понятно, но они отвлекают волков на себя. Справа у стены вижу сухое Карельское дерево. Я думал он простой исполнитель и не входит в правящую элиту. Но нет, он тоже здесь, крадёт вдоль стены, покрыт шерстью, но идёт на задних ногах. Странно, что я замечаю, что сухое Карельское дерево не получает ни какого удовольствия от всего происходящего. Он настолько выгорел, что даже здесь в нём нет ни крупинки эмоций. Наверное после смерти, стоя перед грозным ангелом, сухое Карельское дерево будет оправдываться тем, что не получил от обладания властью положенных радостей. «Как же не получил,» – скажет ангел, а это что и укажет на трёхэтажный особняк.



« Но моя жена, она была так сварлива, что отравила мне каждую молекулу воздуха в этом особняке. Нищему было уютней в разрушенной халупе, чем мне в этом доме.» « А ещё эти дети. Они были неблагодарными. Они тоже грызли меня.»

– Что! ты показываешь мне детей! Это я должен показать тебе твоих детей. Почему ты не воспитал их в почтении и благоговении?

Ему будет нечего возразить на это замечание. А ангел будет смотреть и думать, что делать с человеком, который оправдывается тем, что его нельзя судить за грех, так как он им не наслаждался.

– Хорошо, – наконец скажет ангел, – Я разрешу тебе войти, если ты сможешь с теми чертами характера, которые насобирал в себя за жизнь, войти туда .

Он отойдёт от ворот, и сухое Карельское дерево попробует войти в слепящее царство. Как он сумеет это сделать, когда он при жизни уже давно не поднимал своих глаз и не смотрел в глаза других людей. А здесь нельзя ни отвести глаз, ни закрыть их, ты весь как одни открытые глаза, и все смотрят прямо в твою сердцевину.

Но это будет потом, а сейчас он крадётся вдоль стены, а я задыхаясь бегу по Лидии Ивановой. Сзади опять появляется мэр, я понимаю, что мне не уйти, вижу впереди люк, он скрывает под собой городские коммуникации. Видимо страх не до конца выел во мне человеческие чувства, я ещё не совсем животное, на бегу хватаю тщедушного старика, который трепещет и не может бежать. Я долговязый и сильный, метр 94 сантиметра, я бегу, у меня на плече дедушка, мэр переливается ртутью за нашей спиной, он хочет поглотить нас.

Возле люка я роняю старика. Мой двоюродный брат работает в пожарке, от него я знаю, что такие люки открываются ломом и рукой его не поднять. Но сейчас экстренная ситуация. Вся концентрация моей личности уходит в два пальца, которые сейчас должны будут подцепить крышку люка. В экстренные моменты старушки могут вытаскивать пианино из горящего дома. Брюс Ли мог вводить себя в такие состояния, он был серьёзный человек. Многие не правильно понимают себе серьёзных людей, мол это такие, у которых насупленные брови. Нет, серьёзные это те, которые не различают великое время и ничтожное. Мол сейчас я в финале и я буду на пределе своей личности, а сейчас я играю во дворе и буду одной восемнадцатой от самого себя. Брюс Ли был серьёзным всегда.

Вся концентрация моей личности уходит в два пальца, и крышка поднимается, стаскиваю в люк дедушку и падаю за ним, крышка захлопывается. Виктор Владимирович щёлкает пастью по пустоте, он сбивается с лап и кубарем катится дальше люка по морозному асфальту. Его ещё тащит дальше, а он уже бежит обратно, лапы проскальзывают на одном месте, он опять падает. Он над нами на крышке люка. Слышу, как клацают когти, пытаюсь подцепить крышку. Мы жвимаемся с дедушкой друг в друга. Крышка слетает, мэр Энска, проникает внутрь на сколько может, широкая грудная клетка не позволяет ему опуститься полностью.

Шварк, шварк.

Когтистая лапа летает над моей головой и не может достать. Зверь хочет умяться и проникнуть глубже, но похоже он увяз, он упирается задними лапами и с огромным, продолжительным трудом вытаскивает тело. Ему становится неинтересен люк, он урчит и убегает.

Лежим какое-то время неподвижно, скоро появляется другая волчья голова, этот запросто может спрыгнуть к нам и поест, но похоже боится. Я узнаю черты его морды, это депутат думы Кубяка Ефим Дмитриевич. Он смотри долго и начинает вить, пронзительно и тоскливо, исчезает.

Я должен преодолеть себя, мне страшно, но я ползу по маленькой лесенке наверх за крышкой люка. Выглядываю, Кубяка сидит в 10 метрах от нас, повернувшись спиной, крышка отлетела совсем не далеко. Ползу за ней, Кубяка рычит, замираю, но нет, он чешет себе бочину, как это делают псы задней лапой. Крышка над нами, мы в темноте.

Включаю фонарик на телефоне. Рассматриваю старика, нас обоих трясёт от обилия адреналина в крови.

– Кто это такие?

– Вы не местный?

– Нет.

– Это местная правящая элита. Раз квартал у них происходит перевоплощение, где-то на пять часов. Дата плавающая, но некоторые в городе научились её вычислять.

– Правящая элита это кто?

– Интересный вопрос, – я воодушевляюсь, я люблю эту тему, я много читал всяких книжек, – многие смешивают их с управленцами, но не все управленцы это элита. Подлинные люди власти это те, кто вступил в группировку.

– Надо же, – старик говорит рассеяно, ему не так интересно меня слушать.

Но я усиливаюсь, верю, что передавлю его равнодушие и воодушевлею своими мыслями.

– Во власть могут только привести, туда нельзя попасть никакими талантами. Есть стеклянный потолок, за который не пройдёт ни один гений управленец. За него тебя может провести только человек власти. Ты становишься его вассалом, а он твоим сюзереном.

Говорю заученными фразами, дедушка делает вид, что ему интересно, но при этом он зевает.

– Ты приносишь ему клятву на верность, или она только подразумевается, и ради этой верности человек власти должен переступить через все любые другие верности. Сначала внутри себя, а потом и делом. Ну там верность дружбе, родственникам, понятиям чести, своим убеждениям. В обмен сюзерен одаривает тебя властью. Это путь честолюбцев.

Похоже дедушке становится интересней.

– Сегодня здесь были разные люди, не только из администрации, были бизнесмены, начальники, депутаты. У нас в городе пять раз за последние два года менялся начальник милиции. Из пятерых только двое это люди власти. Иногда, временно, простые люди попадают на серьёзные должности, когда требуются именно профессиональные навыки.

Последняя информация совсем не интересна дедушке, он отворачивает лицо.

– Они мимикрируют под идеологию масс. Для них это формулы управления. Они могут принять демократические, либеральные, коммунистические, патриотические, консервативные, а чаще смешанные формулы.

Я закончил, дедушка должен был из вежливости, спросить что-то, дополнить, сказать угу или возразить. Но он сразу начинает говорить о чём-то другом и видно, что он уже давно погружён в свои мысли и вообще не слушал меня. Моё настроение понижается по оси игрек на несколько делений. Мы почти больше не разговариваем до утра.

Дня через четыре после описываемых событий я снова оказываюсь в администрации. Надо же, не бывал здесь много лет и вот попадаю второй раз за короткий промежуток. Я здесь из за дядя Бобы, у него проблемы со льготами, и мы

записались на приём к депутату Ефиму Кубяке. Я уверен, что Кубяка решит вопрос, скоро у него перевыборы, и поэтому наступил период, когда многие вопросы решаются очень легко. Наше общение проходит прямо в коридоре, Кубяка рад нам помочь.

– Ну всё, до встреч, – Кубяка тянет нам открытую ладонь.

– Подождите, – у дяди Бобы какое-то сентиментальное настроение, я боюсь его настроения, – я хотел бы рассказать про своего племянника.

А я ведь просил не говорить про меня, но от счастья, что он так дружески общается с Кубякой, у дяди Бобы стёрло память. Он думает, что я стесняюсь сам просить за себя.

– Он много лет уже руководит общественной туристической организацией. У него много детей, они сплавляются по рекам.

– Да, как интересно, – Ефим Дмитриевич улыбается и смотрит мне в лицо – По какой реке? Мне трудно всё это слушать, я молчу. У меня на самом деле мало детей в организации, у меня и взрослых то мало.

– По Катамушке, – отвечает за меня дядя Боба.

– Катамушка, – кажется Ефим Дмитриевич был счастлив, что услышал именно эту реку, но наверняка он также бы восхитился, если бы дядя сказал по Волге.

Почему дядя вообще так умилился и потерял голову от этой встречи, он как и все знает о ежеквартальных перевоплощениях. Мне неинтересно об этом думать, я думаю о байдарках, как я буду их клеивать.

Пост скриптум.

У этого рассказа не было названия. В этом можно и нужно увидеть желание излишней оригинальности. Но это не только это. Есть же стихи, которым сочинители не придумали названия. И не есть ли название иногда сужение смысла произведения. Дескать вы ничего не поняли бы, так вот вам подсказка. Но как у рассказа не было названия, то оно будет у постскриптума. И вот оно такое.

Оборотни.

Виктор Владимирович идёт по коридору. Вот уже скоро



25 лет, как он идёт по коридору власти. Сзади него маячат кровавые мальчики, начиная с подельника по строительному бизнесу Саши, которого он заказал в 94 ом году. Но кровавые мальчики не беспокоят его совесть, он иногда оборачивается на них и с удивлением констатирует: вы всё ещё здесь, вы ещё не стёрлись в моей памяти? Смотрит по сторонам, не видит ли кто. Идёт назад, чтобы прояснить с Сашей, что ему надо. Но Саша исчезает за углом поворота коридора и растворяется.

– Саша, давай поговорим. Что ты хочешь от меня?

Виктор Владимирович замечает человека, самого обыкновенного, кажется это работник отдела кадров, человек видел, как мэр кричал в пустоту и кого-то звал. Гнев набегает на брови мэру,

– Почему не работаете?

Своим гневом он внушает такой страх в работника, что убивает в нём всякую мысль о возможном сумасшествии господина мэра.

И Виктор Владимирович идёт по коридору дальше. Поворачивает, тихо открывает дверь. Тихо смотрит на свою вечную верную помощницу Ларису Павловну, которую воззвал

когда-то из ничего. Кем была бы она, если бы не он? Обыкновенная жалкая жизнь, простые радости материнства, наполнение каждого дня ритуалами маленького счастья: малиновые занавески, запахи цветов, улыбки людей, летящий воздушный шарик, из этого ничтожества он воззвал её к могучей жизни: заместитель мэра, владелица сети косметологических кабинетов, сын наркоман. Он подарил ей вечно-прекрасное каменное лицо. Хотя некоторые считают это лицо неприятным, но это потому, что это лицо - голограмма. Оно меняется от положения, которое занимает смотрящий. И лицо это каменное совсем не потому, что над ним колдовал со скальпелем специалист, делая надрезы и утяжки, нет это сознание своего величия и достоинства породило специалиста, и он закаменил некогда милое и живое личико Ларисы Павловны.

Верная помощница просматривает документы, она не слышит тихого мэра, но его взгляд оказывает материальное давление, она поднимает глаза и вздрагивает.

– Ты помнишь, какой сегодня день?

– Да. День нашего перевоплощения. Мы перевернёмся в оборотней.

– Заканчивай работу, я жду тебя в машине.

Виктор Владимирович увозит Ларису Павловну на свою дачу, где их встречают люди мэра. Люди защёлкивают Виктора Владимировича и Ларису Павловну в наручники и сопровождают в разные подвальные помещения без окон и с непробиваемыми дверями. Господина мэра в довершение ещё и приковывают цепью к кольцу, вмурованному в стену. Да, именно так мэр хочет оградить человечество от своего присутствия на время перевоплощения. Не смотря на наручники, стены, цепь, ему вполне комфортно: мягкое кресло, журнальный столик с закусками, термосом, армянским коньяком, наручники и кольцо цепи прорезинены и покрыты материей.

Где-то наверное час мэр сидит в мрачности и неподвижности. Затем его начинает трясти -начинается перевоплощение, он вытягивается в струнку и смотрит, смотрит на своё трясущееся тело с удивлением и страхом. Тряска усиливается, но вдруг мэр начинает плакать. Целые градины бегут из его очей и пропадают на вороте рубашки. В это страшно поверить, но перевоплощение свершилось, мэр претворился в обыкновенного человека.

– Саша. Саша. – жалобно зовёт он заказанного поделщика, как зовёт мамку неразумная дита, но нету Саши, только голые стены.

Виктор Владимирович видит в полированном столике собственное отражение, ненавистный самовлюблённый мэр, отъевший себе огромную репу вместо головы, сейчас ты получишь. И мэр сильно бьёт лбом по столику три раза так, что на воротник начинает капать не только слеза, но и кровь. Он думает сломать себе нос, но не находит на это решимости, возможно его сердце слишком размягчилось, что даже ненавистный мэр не вызывает у него достаточной злобы.

Эти приступы перевоплощения начались у него и у Ларисы Павловны приблизительно года два назад. Почему сразу у обоих и одновременно ? Это очень просто, они единое существо. Началось всё на совещании, он ушёл с него, сумев сдержать плач, бежал по городу, потом раздавал людям деньги, горстями , скомканные бумажки.

Учительница младших классов Эмма Альбертовна не хотела брать у него деньги, и он шёл за ней умоляя избавить его от этой напасти. И люди брали деньги. Кто-то узнавал мэра, но до конца точно не мог признать.

Когда приступ закончился Виктор Владимирович не мог точно представить, что с ним было, вернулся на работу и продолжил рабочий день. После третьего приступа он обна-

ружил, что у него со счетов пропадают крупные суммы и уходят на благотворительность. Когда мэр осознал, что он сам вывел эти деньги, очень сильно испугался. И тогда он изолировал себя и свою слугу Ларису Павловну Зайчикову. Психиатр объяснил ему его редкое заболевание: приступы вочеловечивания со временем будут проходить всё реже и реже, понизится сила и глубина вочеловечивания, продолжительность начнёт уменьшаться и сойдёт к нулю. Нужно всего-лишь усилием воли не позволять себе вспоминать о том, что ты испытал, когда был оборотнем.

– Лариса, ты слышишь меня? – кричит мэр, пронзая стены, как кричал когда-то Остап своему папе Тарасу, проткнувший крюком .

– Слышу, – голос Ларисы Павловны совсем не тот голос, какой слышат её подчинённые каждый день, весь металл расплавился и вытек из него.

– Я люблю тебя, – кричит он неистово , – прости меня, я убил твою душу. Возможно, мы больше не увидимся.

Их голоса и вправду исполнены неземной любви, так могут перекрикиваться возможно только два друга, приговорённых к казни и ведомых на неё.

– Да, наверное, это последний раз. Я сама пошла за тобой.

Я тоже убила душу, своему сыну.

– Горе нам, мы ходячие гробы, исполненные зловония. Последний раз мы восстали, чтобы...

Не находит слов.

– Слаще мёда любовь к людям, но мы растоптали её.

Во истину страшно перевоплощение вочеловечивания, оно страшнее, чем перевоплощение в волков оборотней.

Проходит минут 10, и странным образом мэр начинает критически осмысливать свои состояния. Он ещё человек, но глубина проживания понижается, ему становится неловко за своё поведение. Ещё не много и уже ему приторно и противно, что он так расчувствовался. И уже он с гордым презрением ненавидит себя за малодушие и униженность. Мгновенным усилием воли он убирает из памяти свой припадок. Как хорошо, что этого никогда не было. Наливает себе крепкого кофе из термоса, кусает кусочек черного хлеба, покрытого ломтиком сервелата. Он думает, где взять деньги на ближайшие расходы, скоро он проведёт своего человека в руководство алюминиевого завода, но ему могут дать по рукам, это уже не его территория, но он заручился серьёзной поддержкой, да и риск не велик. Как будто его никогда не били по рукам. Что есть боль от удара по руке, даже если тебе бьют железной линейкой, когда твоё сердце купается в сладострастном предвкушении грядущего возрастания сво-

его могущества. Смотрит на часы, тики так, тики туки туки тик. Ему сидеть взаперти ещё три часа. Кризисы и в правду становятся всё короче. Видит в отражающем столике разбитый лоб, щупает шишку. Нужно будет не ставить больше столик и Ларису Павловну помещать так, чтобы они больше не могли кричать глупости друг другу .

Но кое о чём не знал наш славный господин мэр. Наш огурчик господин мэришка. А не знал помидорчик мэришка того, что слишком поздно заточил себя в подвал. Что в одно из своих перевоплощений он запустил против себя страшную мину. Нет, он не стал сливать на себя компромат, про него и без того утекло много всяческой пакости. Но он вложил губернатора, который стоял над ним и сделал это очень жёстко. Испуганный губернатор решил, что за мэром стоят неведомые ему силы. В диком ужасе он уже летал на своём самолёте прямо туда. То есть туда, выше куда некуда. И там тоже не поняли, кто стоит за мэром, и кто толкнул на такой дерзкий шаг. Но не пройдёт двух часов после того, как мэр выйдет из подвального помещения, как его загородный дом возьмут штурмом человечки с масками на лице. Один из человечков захочет пнуть лежащего мэра, но его нога зависнет в воздухе, удерживаемая невидимой силой властности, исходящая даже из поверженного и скованного наручниками властелина. Жители узнают, какой страшный человек правил их городом. А мэришка получит 12 лет. Теперь две его

сущности сойдутся в затяжном поединке. Между ними теперь нет перегородки, какую создаёт порою сытая и весёлая жизнь. И волк которого ты растил в себе и кормил зазевавшимися горожанами, не получив мяса накинется на самого тебя. Но что из этого выйдет, вспомнит ли мэр про своё во-человечение, мы узнаем через 12 лет.

### **Необычная слуга.**

Она вошла в мой дом слугою,  
Так незаметно не спеша,  
Над пылью ёршиком шурша,  
Сметала нежною рукою  
Приметы медленного тленья.  
И глядя на её терпение,  
Я право был так изумлён!  
Какой изысканный поклон,  
Когда входил я в нашу залу,  
Преподносила мне она  
И встав незримо у окна,  
Служила мне. По малу мало  
Узнала все мои привычки:  
Что есть люблю, что пить, где спички  
Держу, сигару раскуря,  
Она познала всё шутя.  
И вот уже и вдохновенье



Моя покорная слуга  
Внушала мне своим служеньем.  
Она , как правая рука  
Со мной уже не отделима,  
И в доме сделал я её  
Хозяйкой и нерасторжимый  
Союз на вечное житьё  
С ней заключил. С моей подругой  
Вошёл я в свет большого круга.  
Пред ней породистая знать  
Склонился, не сумев познать,  
Что я служанку ввёл в их круг.  
Я восхищение вокруг  
Испил такое, что мне раньше  
Совсем не доводилось пить.  
Но время шло и что же дальше?  
Уже я начал сам служить  
Моей подруге распрекрасной.  
Я стал её обожествлять  
И стал стараться ежечасно  
Её утехы ублажать.  
Случилось так  
И я не скрою,  
Она моею госпожою  
Сумела незаметно стать.  
Куда моя девалась стать?

Я стал безвольным, раболепным  
Слепым, а что же госпожа?  
Она степенно, незаметно  
Снимала маску не спеша.  
Уже она мне так не льстила,  
Уже как будто невзначай,  
Когда я приносил ей чай  
С любимой гамбургской пастилой,  
Насмешки колкие пускала.  
И это что, и это мало:  
Изпод тишка, из-за угла  
Уже хамить она могла,  
Меня с прислугой обсуждая,  
Но как я доходил до края,  
Она свой прежний кроткий вид  
Принять спешила, и обид  
Я счастлив не держать был больше.  
Но как-то я уехал в Польшу,  
Вернувшись в дом я там застал  
Такое, что писать не стал  
В стихе своём сейчас об этом.  
И что же я её прогнал?  
Ха ха ха ха ,быть может где-то  
Её бы в спину ждал кинжал,  
А я её простил зачем-то ,  
Как будто сломан был я кем-то .

И не по дням, а по часам  
Росла в ней наглость. Гадкий срам  
По городу пошёл немалый,  
Где я гремел когда-то славой.  
Я в ратушу войти не смел,  
Там восхитительный висел  
Портрет такой, где мы обнявшись  
С моею кроткою слугой,  
С моей надменной госпожой,  
Смеялись возле главной башни.  
Я плакал в церкви на коленях,  
Священник добрый и степенный  
Внушал порвать мне с госпожой.  
Но как же мне совет такой  
Исполнить, как из сердца вынуть  
Живущее в нём божество,  
Так может быть давным-давно  
Аврам не смел резать сына.  
И всё таки я внял совету  
И выгнал прочь из дома эту,  
Ударив напоследок зло,  
Но как же к ней меня влекло.  
Вокруг меня померкли краски,  
Я стал угрюмым злым до тряски.  
А что же стало с госпожой?  
Она судилася со мной,

И суд вернул в мой дом обратно  
Нахалку злую. Непонятно  
Я больше счастлив был иль зол?  
Опять делил я с нею стол.  
Уже священник тот сурово  
Велел порвать мне с госпожой,  
С моей надменной слугой.  
И из отеческого крова,  
Сумев себя перевозмочь,  
Теперь и сам ушёл я прочь.  
Я поселился у портного.  
Она по городу в карете  
Моей каталась с нею эти -  
Поэты пьяные, шуты  
От богачей, до нищеты.  
Весь сброд сословий и кварталов,  
Она меж них тогда блистала.  
Какой я чувствовал позор,  
Когда нечаянно свой взор  
Ронял на сборище большое,  
На этот мерзкий карамболь.  
В душе я проживал такое:  
Влечение, радость, стыд и боль.  
Чтоб не порваться мне на части,  
Из города безумных дней  
Бежал подальше я скорей,

Угрюмый, мрачный и несчастный.  
Мой горек хлеб был на чужбине,  
Я был как сломленный старик,  
Свою изнеженную спину  
К труду сгибать я не привык.  
К тому ж всё время денно, ночью  
Из памяти моей роскошно  
Вставала злая госпожа  
И, как колдунья ворожа,  
Годами сердце мне томила.  
Но время лечит не таких,  
Тоска от сердца отступила,  
Огонь снедающий утих.  
Я скромно жил на новом месте  
И тихим праведным трудом  
Снискал себе законной чести.  
И обо мне опять потом  
Заговорили без лукавства,  
Что я достойный. Как лекарство  
Слова стекали в сердце мне.  
Как будто бы в дурацком сне  
Мне виделись года былые.  
Ну вот и старость, юбилей,  
Собралось множество гостей,  
Пролили на меня елей  
И речи долгие пустые.

Ушли все ночью, разболелась  
Моя головушка, сушняк  
Во рту несносный и никак  
Не спится больше. Не стерпелось,  
Встаю с кровати и на кухню,  
Пока от боли не опухнул  
Мой лоб от мыслей.й Коньяка  
Налить скорей для бодряка.  
Из шкафа, скрежеща зубами,  
на шею бросилась крича  
Старуха с дикими глазами  
И, заклинания бормоча,  
Мне щёку длинными ногтями  
Полосонула и меж нами  
Как искра быстрая тогда  
Воспоминаний череда.  
Моя слуга, как ты померкла,  
Как ты уродлива теперь,  
Как будто беспородный зверь  
Тебя бесщадно исковеркал.  
Она забила в угол дальний  
Последней комнаты моей,  
Которая служила спальней  
И грудюю моих вещей  
Дверь крепкой массой привалила.  
Безумную не стал я гнать,

Я был уже не в лучших силах,  
И не хотел я, чтоб узнать  
Смогли об этом горожане.  
Теперь я каждым утром ранним  
Свой дом накрепко закрывал  
И более гостей не звал.  
Хоть с Госпожи моей слетела  
Вся красота лица и тела,  
Хоть ум её совсем истлел,  
Я всё же к ней ещё имел  
Больное странное влеченье.  
И вечерами под печенье  
С зелёным чаем через дверь  
Я говорил с ней и теперь.

Жалею я весьма об этом.  
Случилось так, что этим летом  
Меня не стало, умер я!  
Но не совсем из бытия  
Исчезнул я. О, как я много  
Увидел, двери проломив,  
В мой дом ввалился пристав строгий,  
И врач, спокойно заключив,  
Что умер я и это точно,  
Велел мой труп немедля срочно  
В гробу свинцовом запаять,

Поскольку начал я вонять.  
Но только как меня сложили  
И крышкой думали накрыть,  
Из вездесущей вечной пыли  
Восстала, как ночная съть,  
Слуга моя, мой мрачный гений!  
Она легла со мною в гроб,  
Со мной увидеть вечность чтоб,  
И гробовщик нас без сомнений  
Накрыл обоих черной крышкой.  
Я слышал, как без передышки  
Псалтырь читали надо мной  
И было плохо с госпожой.  
От этих строк она горела,  
Дымилась, ёрзала, шипела.  
На третьи сутки в храм меня  
Внесли, тогда лишь понял я:  
Кем госпожа моя являлась!  
Когда во храме том раздалось:  
«И со святыми упокой» -  
Огонь палил над госпожой.  
Я внял – она моя гордыня!  
О, эта мерзкая твердыня,  
Как я цеплялся за тебя,  
Обожествляя и любя.  
На третий день без промедления



Мне ангел трепетный слетел.  
Он послан был мне для спасенья,  
Он руку дал, он мне велел:  
Держаться за него как можно.  
Он полетел так осторожно,  
Но только злая госпожа  
Вцепилась в ногу и ,кружа,  
Над бездною мы подымались.  
Все тяжелее каждый час,  
Тянуло в ад ужасный нас.  
От напряженья надувались  
У ангела на шее вены,  
И я выскальзывал из рук,  
Но мерзкая разжала вдруг  
Свои объятья и в геену  
Упала. Страшные проклятья  
Неся в падение за собой.  
И встретил я тогда объяття,  
И встретил я такой покой,  
Что и на ум не приходило.  
И если бы собравшись с силой,  
Поэты все со всей земли  
Сложить бы стих один смогли,  
То жалкий тлен один бы вышел  
Пред тем, что я теперь услышал...

## Легенда о баране.

Однажды глупому барану

Внушили будто он орёл,

И он, поверивший обману,

На скалы радостный пошёл.

Он чуял крылья за спиною,

Он ветру подставлял лицо,

И не с детьми и не с женою

Он не простился. На крыльцо

Баранка вынеслась в тревоге,

На скалы блеела она,

А муж все шел своей дорогой,

И грудь его была полна

Восторгом. Вот он уж на скалах,

А вот он прыгнул полетел,

Он недалёких и отсталых

Простить В душе своей сумел.

Но спал обман с очей барана,

Когда упал на острый склон,

Когда на дне лежала изранен,

То поумнел пред смертью он.

На дне ущелия глубоко,

Где вьётся по камням ручей,

Лежит печально одиноко -

Барашик, глупый дуралей....